

Место встречи имеет значение.

В последние несколько дней в фейсбуке много постов, связанных с юбилеем одного из самых любимых мной артистов театра и кино Евгения Евстигнеева. Ну как тут было не вспомнить...

60 лет назад (неплохая юбилейная дата, не так ли?) у меня был первый в моей жизни отпуск. Годом раньше я закончила школу, и еще через год собиралась поступать на журфак МГУ. Документы принимали строго только у тех, кто имел не менее 2-х лет производственного стажа. Работала я эти два года в многотиражке ЗИЛа - газете «Московский автозаводец». В 1961 году мой папа «приурочил» свою командировку в Одессу к моему отпуску, чтобы взять меня с собой. В Одессу папу пригласила Лидия Всеволодовна Гладких, новый директор Одесской киностудии - для консультаций. Папа всегда был вольной птицей, свободным от чинов и партий. Он говорил про себя: «Меня нельзя никуда назначить и ниоткуда уволить». Но как профессионал (критик, писатель) он был востребован, особенно, в «оттепель». А Лидия Всеволодовна, возможно, подражая Фурцевой, получив такую замечательную должность, воспользовалась этим, чтобы расширить свой кругозор. Именно на Одесской студии была такая вольница, как ни на каких других в СССР. Помню чаепитие на увитой виноградом беседке на её даче.

В Одессе мы поселились в маленькой гостиничке при киностудии, которую почему-то называли «куряж». Именно так, через Я.

Евгений Евстигнеев приехал на пробы к Петру Тодоровскому, который готовился к съемкам фильма «Никогда». Мы как-то оказались с ним на одной лавочке во дворе гостиницы. И разговорились. И проговорили часа три. Я, увы, не помню, о чём, но помню искромётный юмор, парадоксальность суждений и глубину рассуждений. Меня было не удивить умными разговорами, как и умными собеседниками, но впечатления от этого разговора до сих пор в моей памяти. А в связи с этим разговором и лавочка под деревянным грибом. Конечно, талант такого уровня – большая редкость. Разве что Лебедев из Товстоноговского театра, а из сегодняшних – Ильин. Не знаю, был ли Евстигнеев до этой кинопробы знаком с Тодоровским, но потом они подружились и даже вместе музицировали, режиссер на гитаре, а актер на ... ложках.

От «куряжа» до моря было рукой подать, но папа не решался меня туда отпускать одну и нашел мне сопровождающего – молодого, подающего надежды сценариста. Мы гуляли по берегу в пляжных «костюмах» и старались (по крайней мере, я) не упускать из виду нашу одежду и другие личные вещи. Горничные меня предупреждали, чтобы я была внимательнее на улице, в троллейбусах и трамваях, в кафешках, и, конечно, на знаменитом Одесском рынке Привозе, куда я ходила покупать фрукты. Молодой сценарист рассказывал мне, естественно, о своём сценарии, в котором действующие лица одного посёлка приняли решение не закрывать на ключ свои дома и квартиры. Именно это решение и привело к тому, что там совсем скоро исчезли воришки. Необходимо относиться к людям с доверием, говорил он, и настанет совсем другая жизнь. И я всей душой поддерживала его замечательные гуманистические мысли. Когда мы начали одеваться, он обнаружил, что из карманов его брюк исчезли часы и кошелек. Так Одесса отрцензировала его творческий замысел.

В один из дней во дворе гостиницы к нам подошел красивый молодой юноша, чтобы поприветствовать папу. Это был Орлюк, вернее актер, сыгравший главную роль в фильме «Поэма и море». Его поставила Юлия Солнцева, вдова А. П. Довженко по его сценарию, с соблюдением всех канонов Довженковского творчества. Папа буквально боготворил Довженко, потому что при всей жёсткости своей критики и сам был романтиком. Ему нравилось сильное поэтическое начало в его фильмах. А мне нравилась строчка из его дневника : «Бог есть, но имя ему случай». Звали Орлюка Микола Винграновский, и он пригласил нас на свой поэтический вечер, который и был причиной его появления в Одессе. Папа не смог, а я пошла и буквально

затаив дыхание слушала, как Орлюк читал свои стихи на русском и украинском языках. И продолжал читать на всем пути до гостиницы. Я увидела свет в окне нашего номера, но когда вошла в него, свет был уже погашен. Что означало, что папа мне доверяет и спокойно спит. Поздним утром, когда папа уже ушел на студию, в номер вдруг ворвался Орлюк. Он прокричал, что вещи его уже в вагоне поезда и его ждет такси, а он должен мне кое-что написать, схватил лежащую на столе книжку в мягком переплете «За рекой в тени деревьев» Э. Хемингуэя, что-то быстро написал на втором чистом листе и умчался. С тех пор я его никогда не видела. У меня не осталось ни одной фотографии от того отпуска в Одессе, но надо ли объяснять, почему сохранился тот листок. Единственное документальное подтверждение того, что всё, о чем я вспоминаю в этом тексте, действительно было. Возможно, кому-то, из знавших Миколу Винграновского, а теперь сохраняющих память о нём в Фонде Винграновского, будет любопытно узнать о таком эпизоде из его жизни. В середине восьмидесятых Микола был одним из знаменитой тройки украинских поэтов – Драч-Коротич- Винграновский.

Папа, хоть и был «на вольных хлебах», долго находиться в Одессе не мог. Ему надо было кормить и одевать большую семью и оплачивать четырёхкомнатную квартиру. А у меня оставалась еще куча дней от отпуска. После некоторых колебаний он решил уехать один, однако поручив кое-кому за мной приглядывать.

В мой номер подселили актрису Машу Львову. Она только что снялась в главной роли в фильме «Ждите писем», а в Одессу приехала на кинопробы. Думаю, что тоже к П. Тодоровскому. Во всяком случае, вечерами к нам теперь приходил Петя всегда с гитарой и много другого народа. Тодоровский пел хриплым голосом: «ЛяшЭ. ЛяшЭ, неси ты мне кофЭ, а то я пропаду в это-о-ом куряжЭЭЭ». Но кофе приносила Маша, а Петя ласково смотрел на неё улыбающимися глазами из-под загнутых ресниц. Он тогда был холост. Когда все расходились, Маша начинала безудержно рыдать, а потом, чтобы как-то усмирить свою плоть, мыла полы во всей гостинице. Она была безумно и безответно влюблена в Тодоровского. В него невозможно было не влюбиться. Похоже, меня от этой напасти спасала память об Орлюке, а то мне пришлось бы мыть полы вместе с Машей. Конечно, я не по одному разу пересмотрела все фильмы П. Тодоровского, но особенно благодарна ему за сказанные в папиный адрес точные слова, которые теперь «отлиты» в статье «Н.Н. Кладо» в Википедии.

Как я уже говорила, директор киностудии Лидия Всеволодовна Гладких была открыта всяким идеям и экспериментам. Например, пригласила на студию... гипнотизёра. Не врача, не эстрадно-циркового артиста, а... помощника молодых киноартистов - Маркова Марка Ефимовича. Идея Маркова состояла в том, чтобы помогать начинающим артистам без парализующих волнений проходить кинопробы. Это, кстати, могло бы иметь и экономический эффект. Приехав, он сразу начал работать со студенткой Людочкой Черепановой. Наладив с ней гипнотическую связь, он дистанционно будил её рано утром, она спокойно шла на студию и оказывалась перед камерой, находясь под воздействием гипнотических чар Марка Ефимовича. Но дар Марка Ефимовича был гораздо-гораздо шире, что он и продемонстрировал вечером в нашем, как наиболее просторном номере, в гостинице. Мне было ужасно интересно и тогда наблюдать, и сейчас вспоминать то волшебное действие, поэтому остановлюсь на некоторых особенно запомнившихся мне подробностях. Нас, зрителей и действующих лиц было человек 7-8. Марков проверил Каждого на «гипнотичность» (он поставил мне 4-ю степень и сказал, что «работать» со мной не будет). Он начал свой сеанс с Людочки, так как у них была уже налажена связь. Он её загипнотизировал, а затем в состоянии гипноза приказал ей лечь затылком на один стул, а пятками на другой. Тело её слегка прогнулось как доска, и Марков, добившись результата и продемонстрировав его нам в сопровождении своих комментариев, приказал Людочке встать и снял с неё гипноз. Она ничего не помнила.

Потом он загипнотизировал Машу Львову. Помню, что он спросил её, какой запах ей больше всего нравится, и она сказала, что душистый табак. Через несколько мгновений Маша с полужакрытыми глазами уже ходила по комнате, наслаждаясь ароматом якобы цветущего вокруг душистого табака. Марков попросил её вспомнить о чем-нибудь, связанном с этим ароматом. Неожиданно Маша разрыдалась, и Маркову пришлось её «разбудить». При этом он обрушился с упреками на Толю Черченко, молодого сценариста, обвиняя его в том, что тот вмешивается в его «работу». Черченко не отрицал, и ему пришлось нас покинуть.

Но самый удивительный сеанс Марков провел не «на сцене», а «в зале». И это тоже интересная история. На следующий вечер мы большой толпой отправились ужинать в ближайший ресторанчик. С нами был только что приехавший Володя Ивашов. Он был в зените своей славы после «Баллады о солдате» и в только что привезенных с какого-то международного фестиваля джинсах. Мы немножко поболтали с ним, потому что я была ему представлена, как обычно в киношно-литературных кругах, как «дочка Николая Николаевича». А тогда мы вспоминали первый просмотр и обсуждение «Баллады» в Доме Кино, на котором именно папа, полемизируя с другими, по достоинству оценил этот фильм Чухрая. Мы оба были на этом обсуждении и с удовольствием, теперь уже зная об ошеломительном мировом успехе фильма, передразнивали мастодонтов от кино. Вдруг Володя вынул из заднего кармана джинсов ... маленький браунинг, подаренный ему, как он рассказал, режиссером Марком Донским со словами: «Пригодится для врагов». До «комендантского часа» еще оставалось немного времени после ужина, и наша компания решила побродить вдоль моря. Пляж был пуст. Для тех, кто не знает, вся береговая линия Чёрного моря считалась пограничной зоной, следовательно, там было запрещено находиться в тёмное время суток. Вдруг Володя мне шепнул: «Я потерял браунинг, его нет в кармане». И мы всей компанией стали бродить по берегу в поисках браунинга, между прочим, вполне действующего. Быстро, как это и бывает на юге, темнело. Мы боялись, что кто-то наутро найдет оружие и натворит бед. И мы приняли решение ... провести ночь на пляже. Вскоре к нам подошли пограничники. Никакие уговоры разрешить нам переночевать на пляжных топчанах, ни живой образ советского солдата, лишившегося оружия, не помогли. И тогда к ним подошел Марков. Я не слышала, что он говорил, но понимала, что вот сейчас на наших глазах происходит сеанс гипноза. И чудо произошло. Пограничники пожелали нам доброй ночи и удалились. Но и утром мы не нашли браунинг. Скорее всего, его вытащили еще в ресторане. Назначая местом встречи обожаемый мной город Одессу, не стоит забывать не только про Дерибассовскую и Привоз, Одесса – она Одесса в каждой своей песчинке и в каждой секунде своего бытия.

Самые яркие воспоминания о своём первом отпуске я, пожалуй, уже описала. Но помню еще трех актрис, приехавших в Одессу на пробы: «характерную» Галину Дашевскую, красавицу, позже работавшую в театре Моссовета; «героиню» Женю Уралову, тогда жену Ю. Визбора, работавшую позже в театре им. Пушкина; «травести» Ниночку Акимову, дочку известного театрального режиссера Н.П. Акимова. В этом «куряже» только я была совершенно не актриса, не консультант, а просто семнадцатилетняя «дочка Николая Николаевича». Мне еще предстояло заслужить собственную субъектность.

К В альбом Д...
Во сне я пер ваши черты...
В негашенной свечке,
как ~~я~~

В негашенной свечке
зубства
Ваше лицо - лицо искусства
На берегу моей мечты...
8.11.61.
ЛВ

